

ЖИЗНЬ В ТАНЦЕ

Новая роль Натальи Бессмертновой

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Натальи Бессмертновой в балете «Щелкунчик» стало событием. Его ждали. Хотя никто не мог поручиться за обязательность успеха и исключить возможность неудачи. Тем более, что путь балерины к роли Маши не исчерпывался томительными поисками, необходимыми для рождения образа. «Щелкунчик» для Бессмертновой был буквально закодированным. Обещанный дебют не раз срывался по различным причинам. Вызывала сомнения и индивидуальность балерины, не сама по себе, а в приложении к образу. Бессмертнова, актриса страстей трагических, должна была станцевать нехитрую девочку, раскрыть наивность детства и мечтательность юности.

Открытие — вещь не частая в искусстве, но его обязательный закон. Бессмертнова в роли Маши пленила не столько своеобразной трактовкой, глубиной постижения авторского замысла — все это было, — сколько доказала ряд истин. Может быть, и известных, но особых, потому что в них — секрет творчества, секрет искусства. Талант балерины

проявляется во вдохновении — этой абсолютной свободе выражения, свободе в том высоком смысле, когда искусство актера делает невидимым его труд и когда он, создавая на сцене прекрасные импровизации, как бы сам становится произведением искусства.

Здесь начинается искусство ликования. В тот вечер его творила Бессмертнова. Она танцем говорила, танцем пела, шептала, просила, требовала. Она жила им.

Дальние, беспредельные дороги — вечный романтический мотив — Бессмертнова раскрыла великолепно. Пленность духа — ее тема в «Жизели», в «Лебедином озере» — здесь сменилась темой раскрепощения, балерина стала духом ликующим. Иллюзорность, зыбкость чувств, свойственная героиням Бессмертновой, сменились ощущением полноты жизни, ее цельности.

Руки балерины — когда в сцене ночного пробуждения они тянутся вверх, — они не материальны, не реальны, эти руки. Их создал удивленный художник или очарованный скульптор.

И неправы те, кто считает, что Бессмертнова в первом

акте не очень похожа на маленькую девочку и что только там, где происходит переход героини в юность, балерина убеждает по-настоящему. Постановка Ю. Григоровича менее всего предполагает бытовое, «типажное» правдоподобие. Смысл его — в открытии поэзии жизни.

А как замечательна балерина во втором акте — свадебном. Она поразила поэзией самораскрытия. В каком-то немыслимо-счастливым упоении танцевала Бессмертнова. И в этом еще одна истина — искусство немыслимо без личного, без участия в его процессе души.

Победила воля актрисы, словно не было всех тех трудностей, что сопровождали ее путь к «Щелкунчику». Легкость, вдохновенность, виртуозность — они родились из преодоления собственных слабостей, из борьбы с самой собой. Об этом были Жизель, Одетта, Ширин Бессмертновой. Образ Маши — то новое, что открыла балерина в искусстве и для себя, и для тех, кто был в тот вечер учеником ее школы ликования.

А. ДЕМИДОВ.

53 АВГ 1961

КОЛОДЦЕВСКАЯ ПЕЧАТЬ
МОСКВА